Evgenii Shan

Енисейский север

Повесть

Evgenii Shan

Енисейский север. Повесть

«Издательские решения»

Shan E.

Енисейский север. Повесть / E. Shan — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907769-1

Енисей — река, дающая жизнь и объединяющая всех, кто живёт на его берегах. Воспоминания о старых деревнях долго сохраняются в сердце каждого. Этот мир скоро уйдёт в прошлое, хочется сохранить его, как в музее.

ISBN 978-5-44-907769-1

© Shan E.
© Издательские решения

Содержание

Енисейский меридиан 6
Назимово и Пономарёво 9
Деревянный мир Енисейской деревни 11
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Енисейский север
Повесть

Evgenii Shan

«Сашка, Сашка… ты пашто такой та, пашто не живёшь та, а по водичке та катишься?»
баба Дуня

© Evgenii Shan, 2019

ISBN 978-5-4490-7769-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Енисейский меридиан

В детстве мы знали, что Енисей берёт своё начало где-то далеко в горах, в Монголии, сливается из двух. Я не мог подумать тогда, что эта горная тайга станет моим домом на большую часть жизни. Монголия отодвинется, уступая право быть истоком Енисея, Туве, а всю реку мне придётся не единожды пройти в разных её участках почти до самого океана. Увидеть его, Енисей-батюшку, разного. Серые его волны во время ненастья и пронзительно синие под ярким августовским солнцем, отражающие сочную зелень чёрных тополей Минусинска и чёрные омуты под скалами, где стоит таймень и хариус. Верхнее течение реки быстрое, вода студёная до ломи в зубах. А внизу это уже мощный широкий поток, почти безбрежная река жизни, которая в своих глубинах скрывает что-то таинственное. Река, так всегда называли в деревне, сурова и не прощает ошибок. Но Енисей и кормит, и поит народ, живущий на его берегах. В моём детстве из Енисея можно было смело пить воду, а в невод и на самоловы попадались такие осетры, что занести их с берега могли только двое мужиков на носилках.

Под Минусинском я прожил один летний месяц и успел познакомиться с рекой, когда она ещё не набрала мощи. Здесь Енисей нагрелся на степных просторах котловины и отдыхал после бешеной скачки между хребтами Саян, чуть замедлял свой бег и был ласковым, как уставший конь. Позволял оседлать себя. Мальчишками, мы работали на совхозных полях до обеда, а потом бежали купаться. Забегали повыше и сплавлялись по течению, цепляясь на ветви тополей свесившихся до самой воды, вылазили из воды и делали ещё один заплыв, и ещё, и ещё. Повиснув на тополиных ветках поджидали, когда вода принесёт девчонок, а потом, вместе хохоча и украдкой трогая их тела в намокших купальниках вместе плыли до нижней «станции». Не сразу, но потом кое-кто решался, и мы переплывали неширокую быструю протоку на островок и загорали там. В глазах девчонок мы выглядели героями.

Холодный Енисей щадил нас, сыновей речников. Мы умели плавать и нырять, а главное, мы уважали реку. Мы всё знали о том, что река не шутит. Знали про водовороты и холодную воду, которая сводит икры. Знали об топляках-баланах, которые стоймя в воде и о которые можно здорово удариться головой. Понимали, что только серьёзное отношение к реке убережёт нас от несчастий. И с мальчишеской отвагой убегали из дома и купались в таких местах, где купаться запрещено. Дамбы судостроительного завода, отгороженные от людей, но не от нас, бетонным забором, в то лето школьных выпускных экзаменов были нашим пляжем. Глубина в этих искусственных протоках была такая, что в Енисей выводились суда типа «река-море». Какая-то металлическая труба большого диаметра торчала в двух метрах над водой и была нашей нырялкой. Ширина протоки была меньше длины стандартного бассейна. Переплыть на ту сторону казалось делом несложным, но решались на это немногие. Однажды решился и я. После прошедшего катерка вода со дна была поднята на поверхность и оказалась такой холодной, что мелькнула мысль вернуться. Но как же это сделать при всех. Я подумал, что в аварийном случае руку помощи мне подать смогут, и переплыл на холодный берег в тени. Обратно оказалось плыть проще. За полчаса отдыха тёплая вода сровняла холодную. До сих не представляю, как в то лето мы обошлись без потерь в нашей компании.

Верховье Енисея, где сливается Бий-хэм и Каа-Хэм в великую реку Улуг-Хэм, я увидел уже взрослым. Было мне 18, и уехал я в свою первую экспедицию, чтоб остаться в этих горах надолго. Слияние двух речек и рождение великой реки, которая потом пронесёт свои чистые воды через Саянские хребты, в тот год не произвело большого впечатления. Следующая экспедиция на Большие Уры была совершенно другой. Енисей ещё не был скован плотиной. В этих местах я пробыл два полевых сезона. Спокойный Ус, который бежит с Восточного Саяна и только в дожди поднимается, заполняя берега водой таёжных верховых болот. Жёст-

кие в своём беге Кентигир и Голая, которые весело перескакивают по камням кристальными струями и вдруг…

В самую жару начинают таять ледники из-под горных высей, и речки эти наполняются ледяной талой водой, несутся сминая всё на своём пути. В такой период и Енисей становится чёрным и бурливым, заполняет все перекаты, скрывает пороги, прячет валуны и камни. Он бешено несётся в горных ущельях, становится страшен своей непредсказуемостью. Редко кто в этот период рискнёт выйти на моторке на такую стремнину. По рации на все кордоны по Енисею передали, что утонул ребёнок, унесло течением. Мы решились на выход, с час крутились по порогам вверх в надежде увидеть тело. Не нашли, вернулись, Енисей забрал себе.

Енисей в Западном Саяне протекает скальными ущельями, только иногда выкатываясь на широкие поляны, которых немного – долина Уса да плёсы перед Карловым Створом. Створом в котором поставили плотину ГЭС. Ширина этого ущелья от самого устья Хемчика до устья Уса всего несколько сот метров, и только маленькие галечные плёсы дают возможность кое-где поставить жильё. Редкие тувинские юрты скотоводов и охотников, два два-три дома кордонов. Старообрядцы в таких местах не селились, им нужны были пахотные угодья и широкие лога для покосов и пасек. Кержацие посёлки ближе к Хакасии и Минусинской котловине, а здесь дикие места. Чудо дикой природы, скалы, ниспадающие с большой высоты в реку, сибирские козлы скачущие по отвесным скалам, да лиственичные узкие лога, резко уходящие к облакам. Смесь серо-чёрного базальтового камня и сочной зелени лиственичной хвои, серые и белые камушки галечных пляжей, синь неба. Такие картины завораживают и врезаются в память надолго. А если весь полевой сезон меряешь своими шагами эту тайгу, то она становится родной на всю оставшуюся жизнь.

Когда смотришь старые фотографии ударной всесоюзной стройки, которую видел своими глазами, иногда попадаются пафосные снимки – «Мы тебя покорим, Енисей!». Я не верил в возможность покорения великой реки. Енисей так и остался взнузданным, но не покорённым, и иногда показывает свой норов, когда люди забывают об уважении к нему. А багульник на склонах так же продолжает цвести в то время, которое выберет сам. И глухая тайга, и серые скалы, и синяя вода раскрашиваются отблесками этого лилового света.

Всё детство провел в среднем течении реки, каждую навигацию проходил на теплоходе от города до деревни. Каждый год мог наблюдать, как Енисей проталкивается сквозь скалистые склоны, перепрыгивает пороги у Казачинского, постепенно раздвигает берега. После Ангарской стрелки река становится широкой. Поженившись с дочерью Байкала Енисей, как всякий взрослый мужик становится степенным. Но эта степенность не закрывает всей мощи реки, а только добавляет ощущения величия. Для всех чалдонов Енисей основа жизни, царь и бог этого края. У нашей деревни ширина реки в весеннее половодье до 2,5 км, ну а летом чуть меньше. По правому берегу всё ещё попадаются «кармакулы», выходы скальных пород, но все реже.

После Ярцева начинаются широкие плёсы, а тайга по берегам становится всё темнее и дичее. Мощное тело реки несёт теплоход, и такое ощущение, что зазевайся чуть капитан и всё. Река унесёт судно по своему усмотрению. И это ощущение не обманчивое, все речники это знают. Ворогово стоит на высоком яру, но каждую весну в половодье Енисей достаёт человека и там. Широкие Вороговские плёсы резко сходятся в горло Осиновского порога. «Караблик, Барочка – два островка». Два островка по руслу и множество камней. Теплоход вдруг вовлекает в сильную струю и несёт в это горло. Дрожь по корпусу, телеграф звякнул машинам средний ход. Экономия мощи дизелей для того, чтобы в критический момент можно было добавить хода и выровняться. Островки с хвойным чернолесьем, украшенные поросшими мохом камнями тёмно-красными камнями, проносятся почти рядом с бортом. Кажется, протяни руку и достанешь, судно на хорошем ходу выходит в спокойную воду.

Дальше теперь только ширь, слева болота, справа плоскогорье Тунгусок. Река катит свои волны спокойно, неотвратимо и мощно. Река катится, то становясь серо-синим зеркалом для неба, то морщась серыми брызгами в ненастье и закручивая белые барашки в северный ветер. Становится всё холоднее, даже летом при незаходящем солнце без телогрейки тут не обходятся. Моргнула камнями и вековыми лиственницами с яра Подкаменная. Незаметно тёмным логом влилась в Енисей Нижняя. Две Тунгуски, две древних шаманки, две легенды Енисейского Севера с кристальной водой, крупными тайменями и такими же крупными злыми комарами. Ниже Туруханска красное солнце ходит по кругу, и уже только краешком касается тёмной воды Енисейского залива. Карское море, океан Ледовитый. Чайки и тишина летней светлой ночью.

Назимово и Пономарёво

Пассажирский дизель-электроход шёл по Енисею вниз. Лёгкая вибрация по корпусу уже стала привычной, а мелькание тайги, полей, деревень и речной обстановки сливалось в одну картину. Река становилась шире, тайга темнее, а полей попадалось всё меньше. Правый берег часто оскаливался камнями-кармакулами, а широкие плёсы поражали простором серо-синей воды. Я с товарищами ехал на преддипломную практику в исследовательскую экспедицию кафедры таксации. Мы уже хорошо знали друг друга, за пять т лет учёбы, четверо парней и одна девушка, которая ростом была выше всех, а весом мало уступала самому старшему из нас. Утро, летом здесь оно раннее, а там где мы будем жить полтора месяца, солнце вовсе не заходит.

Выглянул в иллюминатор, что-то знакомое кольнуло в сердце. Выскочил на палубу. Мимо проплывала небольшая деревушка. Остяцкая, скоро Пономарёво, родина. Мимо Колмогорова мы прошли уже со светом, а Назимово открылось часов в 8, когда уже все были на работе. Но движения на берегу не было видно, никакой суеты. Люди со своими делами на берегу появятся вечером, сейчас все заняты в лесу, в поле, в кузне и на базе. В детстве я долго не мог понять, что такое «база» пока не начал читать «Тихий Дон», это «баз» – двор, где содержится скотина и всякие хозяйственные постройки. Там у нас и конюховка старая, и молоканка, и конюшня. А дальше к лесу кузница и гараж, телятник и коровник в сторонке. На берегу колхозники собираются рано, катер «чых-пох» тащит лемендру с доярками на дойку к стаду на Еловом в 4 утра, возвращается к 7. Когда начинаются покосы, за реку переправляют всю технику и лошадей на этой же лемендре, а потом работники сами уезжают на лодках ещё до свету, а многие на покосе и ночуют неделями. Пока катер тащится через Енисей, чего только не наслушаешься, насмеёшься вдоволь. И мужики и бабы шутят, а кто-то начинает историю невыдуманную, тогда все во внимании. В каждой деревне есть свой рассказчик.

В каждой деревне есть свой шутник, свой разгильдяй, свой персонаж, с которым всегда что-то случается. В Назимово таким персонажем долгое время был дядя Вася Пономарёв, которого все беззлобно кликали Вася-карась. Был он лупоглазый, немного шабутной и слегка недалёкий. Его сын, Саня Дунечкин, названый так по своей бабке, был ничуть не лучше. Попадал во всякие истории с детства. Чего только стоили его попытки сбить кукурузник АН-2 с мелкашки стянутой у отца. Устроился на коньке крыши старого дома бабы Дуни и ну шмалять. Хорошо, что вовремя заметили и сняли оттуда снайпера.

Дядя Вася был штатным охотником, а эта категория во все времена немного отстранённая от жизни. Не любят они общие работы и нормированный рабочий день. Летом, как водится, на реке, рыбалка, заготовка дров, подготовка к сезону. Но приврать любил всегда. С увлечением рассказывает как неводили: «Перву тоню дали – шишнадцать штерледей! Втору тоню дали – сорок три штерледи! В ведро сложили, кое-как на угор заташшыли!». Этот рассказ вошёл в деревенскую классику и пересказывался ещё долгое время. Хотя, конечно, была у дяди Васи-карася и своя удача, и свой заработок лесной, который позволял кормить семью.

Река – главное, что держит наши деревни. Енисей кормит, Енисей поит, согревает, неся лес при большой воде. Баланы те все ловят, вытаскивают на берег обсушиться и готовят дрова. Никогда никто в лес не ездил браконьерничать. Особую категорию на реке составляет Тех-участок, бакенщики. Навигационная обстановка – важная речная служба. Сейчас ходят два катера, а раньше за каждым участком следил один бакенщик. Выставлял весной после ледохода бакена, каждый вечер зажигал на них лампы керосиновые. Такие бакенские участки были распределены по всему Енисею, обеспечивали безопасность судоходства. Жили такие рабочие в избушках в центре своего дежурного места, часто рядом с береговыми створами. Одним таким работником был брат нашего деда Фёдор Ильич. Тоже из тех персонажей, о которых

ходят смешные рассказы. Жил он в заброшенной деревне Лазовке, между Назимово и Колмогорова. Потом её стали называть Пономарёво, поскольку там только эта фамилия и жила. По типажу Фёдор Ильич такой же, что Вася-карась.

«Была она учительница, от мужа сбежала, а я баканшык. Вот и съучинились с ей в бакансКай избушке» – рассказывает он свою любовную историю послевоенную. Семья в деревне, участок не бросишь, ежедневный тяжёлый труд. Бакена из тонких высушеных досточек, белый – пирамидкой, красный – шаром в двух плоскостях, устанавливались на караблике из жердей с тяжёлым каменным якорем. Чтоб не потерять место установки, ещё веха на якоре. А терять место немудрено, большая вода часто и сейчас срывает буи с якоря, несёт вниз по реке, прибивает где-то к берегу, в курью. Нынче на катере идут и собирают, а то и на плаву догонят. Раньше всё «на гребях», веслами бакенщик махал до известных мест, где сорванные бакена оставались. У Пономарёвских камней часто левый белый бакен уносило. Фёдор Ильич за ним вдогонку, а потом пыхтит обратно против течения. Ему говорят: «Бросил бы ты его, да новый изделал, чем так мучиться», «Да вы што! – отвечает с возмущением – Это ж сынтральнай бакан!» Бакен тот, действительно, важный был, но не настолько же, чтоб каждый раз за ним гоняться. Человеком он был ответственным, как весёлым и добрым. Все его любили, а подсмеивались над его рассказами, как над забавными шутками. Только много позже я узнал, что родня он нам, и приёмный отец тёти Маши Еремеевой, сродной материной сестры.

Много ещё вспоминается шуток и забавных высказываний наших мужиков, всего не упомнишь сейчас. Но они сами всплывают в памяти, когда встречаюсь с братом, разговариваем, вспоминаем детство и юность. И такие «летучие» фразы сами выходят на язык. Баба Дуня увидев дюралевую лодку с мощным мотором, что ещё в диковинку были – «Батюшки мои-та, милыя мои-та, вы не рыбнадзоры? Батюшки мои-та, милыя мои-та, вы не браконьеры?» дядя Карла Бастер спросонья выходит на палубу, увидев чужую самоходочку резво бегущую вдоль берега – «О, а это чья така…, маленька?», и руками показывает не больше локтя.

Брат Коля работал на обстановочнике, я ходил с ним в рейс пару раз. Останавливались на Сурнихе, походя описанной Астафьевым, ставили самоловы в ямах. Нигде я столько черной икры не ел, как в то время. Ложками. Ходил долгое время и мой Серьга капитаном обстановочного теплоходика. Пока хворь ни приключилась. С хворью он справился, но на реку больше не захотел, тяжёлая там работа. Хоть от трудностей не бежали никогда, но надо и на берегу делами заниматься. Дай бог всем нашим, Енисейским мужикам, здоровья да удачи.

Деревянный мир Енисейской деревни

«СвирьГЭС» сделала разворот и бросила якорь. Ранее утро, вахтенный матрос доставил меня на родной берег. Пожав ему руку и оттолкнув шлюпку, я уселся на гальку и закурил. Клочки тумана ещё плавали над рекой, но новый день уже занимался над лесом за речкой, верхушки ёлок уже покраснели. Затащил на угор сумку с гостинцами по знакомой пыльной тропке, перешёл улицу и дернул верёвочку щеколды. Звяк, стук, калитка стукнулась о затвор, не открылась. Затвором служила длинная жердь через все ворота с внутренней стороны, кончиком она и запирала вход. Я просунул руку за столб рядом с избой и потянул жердь в сторону. Тихо скрипнув калиткой, чтоб никого не разбудить, вошёл во двор. Ну, здравствуйте. Север лениво махнул хвостом, потёрся носом и вернулся к рыльцу спать.

Двор услан толстыми сосновыми плахами, может столетней давности. В каждой плахе по два отверстия с обоих концов, как будто это скамейка, а дырки для ножек. Из таких плах делались баржи деревянные, а это следы крепежа. Плахи лежат прямо на земле, плотно друг к другу и по краям чуть позеленели. Более свежие доски уложены тротуарами до летней кухни и в обход двора к воротам. У самих ворот на мелкой травке-муравке мы пацанами играли в машинки. Этот пятачок под солнцем не под крышей самый приятный для ребятишек. Остальной двор закрыт крышей из наката жердей. Родная знакомая темень. Двор уже начал освещаться лучиками солнца, которые пробивались через крышу, но был ещё весь в тени. Только у ворот открытое небу место было светлым. Тётя Галя вышла доить корову, всплеснула руками: «Женька. Не забыл, как запор открывать». Такие запоры больше, чем в половине дворов в деревне, что тут секретного. Но самостоятельно входить нельзя, не прилично, не принято. Вспомнился как-то курьёзный случай. Лет мне было 10—12.

Были у нас приезжие пацаны с севера из Норильска. Вовка-славак у Пономарёва дяди Саши, да Толя-ващил у Широглазовских. Широглазовская родня была обширная, как и наша. В родне у них и Коноваловы и Шефер. Наши же всё боле Пономарёвские, так как родня с Колмогорова и Пономарёва. Раз с Ващилом мы с утра болтались по деревне, Серьга спал видно ещё, не помню. Взрослые уже все на работе, тишина в деревне в верхнем конце. «Пошли до Коноваловских?», «Пошли». Но у них ворота оказались на запоре, никого дома, может на покос уехали, ни Верки, ни Мишки, ни Надьки. Ващил ловко пролез через подворотню во двор. Я за ним. Толька поболтался под навесом, оторвал кусок рыбы с вешалов, я не стал. Ну раз никого, надо дальше идти товарищей искать на игры. А вечером дядя Саша меня с Серьгой призвал к себе на допрос. «Лазил к Коноваловым?» У меня и дыхание перехватило, понял, что напроказил. Нельзя то было, не хорошо. Серёга ни при делах, а я оказался как бы и вором. Повёл меня дядька к дяде Гоше Коновалову на расправу. Тот сидит сурьёзный, Надька на меня наскочить норовит, ругает типа, перед отцом выпендривается. «Простите дядя Гоша, я не хотел. Брать ничего не брал, думал Ващил к вам по-родственому. Простите, не подумавши я.» Самому горько, что так оплошал, глупость сделал. «Да ладно уж» – махнул рукой дядя Гоша, дядя Саша крёстный отвесил подзатыльник – «Позоришь меня». Молчком пошли домой. Вот такие порядки. С тех пор накрепко запомнил, даже если и не пакостишь, границы дозволенного переступать нельзя.

Самое интересное у нас было – приключения на крышах. Летом часто там лазили, смотрели сверху на Енисей, осторожно переступали по жердям, по толстенным балкам из кругляка сосны, лежащим на ещё более толстых вкопанных лиственных столбах. Такая крыша закрывала весь двор зимой от снега, летом и сдвинуть в сторонку жерди можно, просушить двор. Жерди не прибиты. Но по крыше амбарушки, а тем более по сеням, лазить запрещалось. Продавишь толь, устроишь течь, потом сложно ремонтировать. Дождевая вода найдёт трещинку, дырочку, хоть всё наново перекрывай, а толь дорогая. Крытые дранкой крыши ушли в про-

шлое. Дранку драли из размоченных пихт, раскалывали трёхметровые сутунки вдоль тонкими пластами, а потом сушили на берегу, сложив треугольными колодцами. Дранка была к воде более стойкой, чем пиленые доски, структура древесины не нарушалась. Бывало на ней уже и мох растёт, а она и не гниёт вовсе, внутри целая. Если на крыше уложить правильно, вода скатываться будет легко, по продольным полоскам от дранья, никакого ручейника не надо. Потом дранку вместо досок стали на заборы использовать, а крыши рубероидом по доске крыть, так проще.

Двор устроен по кругу. От избы поднавес рядом с крыльцом. На крыльце рукомойник старый висит рядом с дверью. Туда ключ прячут, когда избу на замок запирают. Напротив крыльца через двор стайки, две под одной крышей, соединённых общим помещением с коровой. В одной поросёнок, в другой куры живут. Поросенка к зиме заколют, туда переведут корову, там она и отелится. А в наружной останутся только собаки, Север да Дамка. Над стайками сеновал, над общей тоже. Только на стайках сено на потолок, а над общей такие же жерди. Эти все стайки называли «двор», а тот что рядом с избой двор, так то и есть дом. Все домашние службы по кругу дома. Главное – изба и скотный двор, ну а в сторонке летняя кухня, амбарушка, дровяник. Дрова у самых ворот, чтоб не таскать с улицы далеко, да и от щепок мусор. Летняя кухня у нас долго была дощатая, маленькая, но с кирпичной печкой. Там все и жили считай лето. В избу только спать на ночь. Кто из ребят постарше, так на сеновале ночевать. Вольготно, и взрослым не мешаешь. Потом срубили тёплую летнюю кухню, можно и зимой её использовать. Так многие и делали, всю зиму в летней кухне обитает семья, если ребятишек много подрастает. Весь двор под одной крышей, ни ветер не задует, ни снег не завалит, да и теплее немного. Правда крыши чистить те надо под вёсну.

зима, мороз

Чистка крыш – целая эпопея. Наряжали на эту работу старших братьев, а мы под ногами путались. Когда внизу уже сугробы навалены, вся ребятня начинает в них прыгать с крыши. Чем не экстремальные развлечения! На самом деле и не высоко, а сам смысл, что с крыши прыгнул добавляет остроты. Но бывали и недоразумения. Как-то Колька Назимов сиганул, да промазал, задницей сел на забор из дранки. Щепу вогнал глубоко, в больницу возили. Но прыжки прыжками, а чистка крыш дело ответственное. И снег столкнуть надо, и толь не повредить, и дранку с нужного места не сдвинуть. Самое тяжёлое – жерди над двором от снега откиды-

вать. Вот тут приходится лопатой помахать, не то, что пехлом со ската крыши. Снегу наметало каждый год под самые окна, а то и выше бывало.

В нашей избе печь была сложенная «русская». По всем канонам, и даже спать на ней приходилось, но по причине старости не разрешали. Знали, что баловаться начнём, не дай бог, обрушим. Русская печка на моей памяти топилась редко. Даже в самые морозы топили буржуйку железную с трубой выведенной в печь. Быстро нагревается дома, да и дров уходит меньше. Но в самые лютые морозы топили и её, хотя главная функция русской печи – стряпать. Первая стряпня к Благовещенью, в апреле. Сметанные орешки. Затем к Пасхе. Я так помню, потому что русский Новый год как-то на Пасху нацелен. Новый Год, Рождество, Крещение праздновали и вкусности всякие стряпали, а запомнились орешки румяные хрустящие, пахнущие подгорелой сметаной. Ребятишки русской печи рады ещё и тем, что в догоняшки когда играешь, можно по избе бегать вокруг неё, это тебе на открытом месте, гораздо интереснее! За печкой вход в подпол, где картошка хранилась. Не помню кто, но кто-то падал туда при такой беготне.

Вся изба разделена на четыре комнаты казёнками. Перегородки дощатые, снизу плотно к полу, и даже плинтус есть, а сверху до потолка не доходят на «четверть». Таким образом вентиляция и отопление лучше всей избы. Даже если и печь по центру почти. Пятистенок конечно и красивее, и добротнее, но температура в разных частях разная. Крестовых домой я изнутри не изучал, только со стороны любовался да завидовал. Но думаю, в таких домах с рублеными стенами и печи нужны особые, и отопление. Всю свою жизнь хотел срубить себе настоящий дом из сосны с лиственничным окладом, на высоком яру над рекой, да видно теперь пусть дети мои о том мечтают. Красивые добротные дома круглые да крестовые всегда были признаком зажиточности. А наша деревня хоть и не голодранцев, село с церковью и перевалка на прииска, но дома всё больше просто срубы с казёнками внутри. Но была пара домов на зависть всем.

Один такой дом был настоящим музейным экспонатом русского северного зодчества. Стоял он всегда закрытый, но ухоженный внутри, с табличкой «Радиостанция». Хозяин, Широглазов, уехал в Красноярск, а дом сдал в аренду властям. По всем вышеописанным правилам, мы не решались во двор заходить, хоть и могли. Двор представлял собой широкую крышу от избы до амбара. Тут же ёмкий дровяник, пол из широких плах, как заведено, перед домом полисадник с цветочками. Из дровяника был выход под другой навес, в огород. Там банька и колодец. Свой настоящий колодец с журавлём. На берегу чистейшей реки это казалось не нужным и вычурным, и в тоже время, восхищало. Эту усадьбу мы постепенно использовали для игры пробегом, для пряток, но сам внутренний двор если и пробегали, то очень быстро, опасаясь чего-то. Наверное, обвинений в несанкционированном доступе к чужому, нарушения наших старых обычаев.

Уже позже, когда с Ангары приплавились в Сергеево староверы, увидел я и избы из осины, разных видов. Весной разобрали они в своих старых деревнях избы, сплотили и поплыли вниз к нам. На облюбованном месте вытащили срубы на берег, сами лето жили в землянках, сушили. А к зиме собрали свои избы, как тут и стояли. Умели они многое, да и сейчас умеют. Видел я, как лодки из осины долбят, как дома собирают в один день. Да многого ещё увидеть надо бы, да уходят старые времена, старые люди. Постепенно кержаки и Сергеево покинули, поплыли дальше на севре, на Сым и Кас. Говорят, там даже скиты сохранились. Отец нашей подруги и одноклассницы дядя Вена уходил туда иноком, приезжал погостить, да и обратно уехал. Старая вера крепка своим уставом и правильностью жизни, которая только такая в тайге и правильная.

Когда самоходка подходит к Байкиту, первое, что попадается на глаза – пакгаузы на яру. Подкаменная Тунгуска несёт свои холодные воды стремительно даже летом, судно идёт тяжело, медленно преодолевает течение, и деревянные строения плавно встают перед глазами. Байкит – один из перевалочных пунктов Эвенкии, сюда в короткую навигацию завозились грузы,

здесь же и хранились до зимников, когда можно развести по таёжным селениям. Добротно срубленные пакгаузы особенная статья в северном деревянном зодчестве.

Были такие пакгаузы и в нашем селе, которое тоже было перевалкой для Тейских приисков, служили складами ещё задолго до революции для местных купцов. Затем, с развитием авиации, устройством дорог до Северо-Енисейска значение села в поставках снизилось, но осталось для местного края важным. Рыбацкий кооператив постепенно преобразовался из рыболовецкой артели в торгующую организацию, склады в пакгаузах перешли ему по наследству. На моём веку их осталось два. Стояли он по сухой пыльной дороге к кузнице мимо сельского кладбища, в стороне от Енисея. То, что рядом кладбище говорило о том, что место это сухое, удобное, хоть и казалось чуть ниже деревенской улицы, единственной вдоль берега. Это центр села, место самое широкое. Здесь и сельсовет, и метеостанция, и старая церовка, в которой был потом построен клуб, два магазина, школа и пекарня. Но пакгаузы упрятаны вглубь.

Одно время мы там околачивались, когда дядя Саша на зерносушилке работал. И осталось у меня от пакгаузов стойкое впечатление чего-то средневекового. Высоты они были гораздо большей, чем любой дом в деревне. Срубы из почерневших брёвен были ровные с двумя рядами прорубленных щелей-отдушин в стенах. Эти отдушины своей узостью напоминали бойницы в острожных стенах, только добавляли общего впечатления древности. Внутри складов я ни разу не был, даже на подтоварники мы не решались залазить – это было чем-то чужим, склады с товарами. Похожий пакгауз был и в Сергеево. Совхоз забрал его себе под зернохранилище. Вот туда мы могли залезать с братьями, ползать по кучам зерна, после чего всё неимоверно чесалось. Пшеница в наших краях не вызревает, потому то был ячмень да овёс. Ость зерна и колола, забивалась в одежду. Изнутри такие средневековые срубы-остроги смотрелись ещё более таинственно, хотя бы из за отсутствия окон и тем, что ворота закрыты, а проникать туда надо через дырку в полу. Наши голоса гулко отдавались в высоких стенах и мы разговаривали шепотом. Здесь мы не чувствовали себя воришками. Совхозное—колхозное это наше, да и взрослые знали про то. Хотя немного ругали, что б по хлебу не бегали.

Проникнуть из-под пола в пакгауз не сложно, если есть половая плаха не прибитая. Сам сруб стоит на толстенных стульях да ещё маленьких коротких брёвнышек крест-на-крест. Под полом гуляет ветерок и сухо. Такое устройство позволяет сохранять и сруб и товары. На севере все рубленые здания ставятся так, фундаменты себя не оправдывают, грунты то промерзают, то оттаивают, бетонный фундамент гуляет и трескается, под полом заводится грибок и плесень. На деревянных стульях дома стоят больше века и полы не гниют. Когда Боженковские строили свой дом, мы часто играли под уже готовым высоким крыльцом, лазили под пол, там было наше секретное место. Запах сухой древесины и зелёного высохшего мха врезался мне в память, как одно из самых волнующих воспоминаний детства. По моим скитаниям в тайге мне иногда доводилась устраиваться на отдых под соснами на мху. Сухое место нагретое солнцем пахло моим детством, моим взрослением. Запах мха, сухих сосновых игл и, чуть заметный, смолы – запах строящегося деревенского дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.